

Нефляшева Наима Аминовна

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН

«ВСЁ, ЧЕМ Я БОГАТ, — ТВОЁ, КУНАК»。 О куначестве на Северном Кавказе

Название статьи — это строки стихотворения поэта Расула Гамзатова «Если ты кунак». Куначество — один из древних кавказских институтов, позволяющих удержать общество от социального, нравственного, культурного распада, сформировать круг людей, связанных некровным братством, не менее крепким, чем узы кровного родства. Кунак, читаем в «Энциклопедическом словаре», слово тюркского происхождения (от *тюрк.* кунак — гость), у кавказских горцев лицо, связанное с кем-либо обязательством взаимной дружбы, защиты, гостеприимства.

Если узы кровного родства впитываются с молоком матери и дают человеку сакральное ощущение своих корней и устойчивой почвы под ногами, то узы куначества связывают людей разных регионов, разных статусов, разных национальностей. Связывают не только обязательствами, ответственностью, но и закрепляют эти связи в соответствующих ритуалах и символах.

На Северном Кавказе люди могли стать кунаками даже при первой же встрече — в суровых горах время течёт по-другому, здесь «промедление смерти подобно» и нет времени на долгие раздумья, здесь чувство «своего человека» возникает с первых минут общения. Кунаки становились братьями по духу, — как братья, они были готовы разделить друг с другом хлеб, кров, радость, беду и ответственность. Известны случаи, когда в случае смерти одного из кунаков второй всю жизнь содержал его детей, помогая встать им на ноги.

Отношения куначества закреплялись через ритуал дарения. Британский антрополог Бронислав Малиновский в своей книге «Аргонавты западной части Тихого океана» и французский социолог Марсель Мосс со своим исследованием «Опыт о даре: формы и причины обмена в архаических обществах», положили начало теоретическому изучению феномена дарения. Фундаментальная работа М. Мосса, основанная на исследовании системы взаимного обмена, показывает, что дарообмен между группами людей направлен на достижение социальной солидарности. Через дарение группы людей «постоянно встраиваются одна в другую, во всем чувствуя себя в долгу друг перед другом».

Институт дарообмена и сегодня всё ещё символичен на Кавказе, где отработаны ри-

туалы дарения, приёма дара и ответного дара. Завершить какое-то дело без обмена дарами, отпустить гостя без подарка или прийти в гости с пустыми руками невозможно. Кунаки также обменивались подарками — в честь побратимства, пишут Шапи Казиев и Игорь Карпеев в книге «Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке», выпивали молоко или вино из одной чаши, в которую в знак постоянной и нержавеющей дружбы бросали золотые или серебряные монеты.

Куначество — и институт, и социальный дар (ведь умение дружить — это, бесспорно, дар), передававшийся по наследству. Даже в третьем поколении семьи, чьи предки были кунаками, сохраняли обязательства по отношению друг к другу и поддерживали связи, установленные их дедами и прадедами задолго до их рождения. Такие семьи общались как родственники, обязательно периодически навещая друг друга, вместе участвовали в важнейших обрядах — свадьбах, похоронах, ритуалах, связанных с появлением в семье новорождённого.

В книге Ш. Казиева и И. Карпеева приводятся два интересных высказывания о куначестве. Одно принадлежит этнографу И. Анисимову: «... Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его «курдашем». При этом они обмениваются оружием и дают друг другу «священный обет» не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друга».

Второе — историку Р. Магомедову: «По издавна сложившимся обычаям каждый горец считал за честь достойно принять кунака. Гостя принимали в любое время дня и ночи. У багулалцев (один из народов Дагестана — *Н.Н.*) существовал даже обычай: когда садились обедать или ужинать, всё делили поровну между членами семьи и отделяли порцию на случай, если явится гость. Если горец впервые появлялся в незнакомом ауле, то отправлялся на годекан (центральная площадь в селе у народов Дагестана, место общинного схода — *Н.Н.*), где до глубокой ночи сидели люди, и обращался к сидящим с приветствием и сообщал, кто он, откуда и почему вынужден остановиться именно в их ауле. Как только становилось известным, что приезжий не имеет в их ауле кунака, сидящие на годекане восклицали: «Ты наш гость». Когда на гостя притязало несколько человек, предпочтение отдавалось старшему.

В Западной Аварии путник не шёл к годекану, а заходил в любой дом и говорил: «Давайте будем братьями». Такой гость считался ещё более почётным. Гость ни в чём не должен нуждаться — таков неписанный обычай горцев. Учитывая, что путешественник в пути мог промокнуть или замерзнуть, во многих горских домах держали шубы, предназначенные только для гостей. Этот обычай распространен и сейчас.

Приезжий мог гостить столько времени, сколько ему нужно было. У багулалцев существовал обычай в течение трёх дней не спрашивать у приезжего ни о чем. По истечении трёх дней с ним вели разговор как с равным, как с членом семьи. Когда гость отправлялся в дальнейший путь, хозяин провожал его за ворота или даже за аул».

Расул Гамзатов написал о куначестве стихотворение, в котором в концентрированном виде есть информация о нюансах этого обычая.

Если ты кунак, то мой порог
Ждёт тебя, сдувая облака.
Если ты от жажды изнемог,
То моя река — твоя река.
Если даже на дворе черно,
Встречу сам, подай лишь только знак.
Вот мой хлеб, вот розы, вот вино,
Всё, чем я богат, — твоё, кунак.

Холодно — сядь ближе к очагу,
Я получше разожгу кизяк.
Голодно — не сетуй, помогу:
Полям поделюсь с тобой, кунак.

Если станешь таять, как свеча,
Проклиная рану иль недуг,
Я успею привезти врача,
Кровь моя твоею станет, друг.

Если страшно — мой возьми кинжал
И носи, повесив на боку.
Если ты, кунак, затосковал,
Станем вместе разгонять тоску.

Пал скакун — вот мой под чепраком,
Мчись, скачи и самым хмурым днём
Оставайся верным кунаком,
Будь я на коне иль под конём.

Институт куначества был тесно связан с обычаями гостеприимства, они соблюдались даже в отношении противников. Историография Кавказской войны сохранила немало свидетельств того, как засланные в тыл горцам разведчики, не зная местности, уходили далеко в горы. Иоганн (Иван) Бларамберг, русский генерал-лейтенант, служивший на Кавказе, автор «Исторического, топографического, статистического, этнографического и военного описания Кавказа», в 1832 году писал: «Лучший способ для путешественника (горца, а не европейца), вознамерившегося пересечь внутренние районы Кавказа и не быть при этом ограбленным, — это выбрать себе доброго кунака, которого всегда можно найти за умеренную плату и который проведёт путешественника повсюду, отвечая за его жизнь и имущество. Тот, кто хочет путешествовать во внутренних районах страны адыгов, должен прежде познакомиться с кем-нибудь из этого народа, кто, взяв

путешественника под свою защиту, проведёт его через территорию племени, к которому сам принадлежит, обеспечивая ему приют и пропитание во всё время путешествия совместно с ним: в этом случае покровитель и покровительствуемый получают звание гаче. Если путешественник хочет двигаться дальше, его гаче перепоручает его одному из своих друзей другого племени, по территории которого намерен проехать путешественник; тот становится новым гаче путешественника и т.д.

Таким образом, любой путешественник-горец, охраняемый своим гаче, может пересечь без опасности всю страну, населяемую черкесами, и даже весь Кавказ, не делая никаких затрат, за исключением подарков, которые он в знак признательности должен делать каждому из своих гаче».

Тема кунаков — одна из устойчивых в фольклоре народов Кавказа. В кавказских сказках кунаки помогают друг другу в бою, ищут невест среди самых достойных девушек, а один из двух часто спасает жизнь другому ценой своей собственной. В этом плане интересна вайнахская сказка «Черкес Иса и чеченец Иса» — чеченец и черкес, носящие одно и то же имя, всё время идут на подвиги и жертвы ради друг друга.

Кунаки-горцы поражали своей преданностью русских офицеров, служивших на Северном Кавказе. Тот же Бларамберг писал: «Русские, живущие в пограничных с Кавказским хребтом районах, и особенно казаки на Линии, имеют кунаков среди черкесов, чеченцев и других народностей, с которыми они поддерживают дружеские отношения в мирное время».

У Л.Н. Толстого был кунак-чеченец Садо, о котором великий писатель говорил: «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям ради меня; у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием...»

Институт кунацкой, или гостевого дома, был известен у всех народов Кавказа. Двери кунацкой были всегда открыты, а в княжеских домах Черкесии «на случай гостей» в кунацкой всегда был накрыт стол, еда за которым менялась три раза в день. «Кунацкая была и рестораном, и концертным залом, и кабинетом, где решались политические проблемы, и университетом для подрастающего поколения», — писал известный учёный Заур Налоев. Гость оставлял у дверей кунацкой своё оружие, кроме кинжала, таким образом, с одной стороны, абсолютно вверяя свою жизнь хозяину, а с другой — демонстрируя, что его визит не угрожает безопасности его хозяев.

«Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземцев, и кто не сумел сберечь гостя от беды, или даже простой неприятности, того судили и наказывали. Хозяин должен был, в случае надобности, жертвовать для гостя жизнью», — писал кабардинский учёный XIX века Шора Ногмов.

Традиция куначества, слово «кунак» и связанные с ним символические значения не ушли из нашей жизни и сегодня. В 2007 году на международном медиафоруме «Вся Россия» был основан фестиваль «Кунаки», с 2016 года он носит название Северо-Кавказский открытый фестиваль кино и телевидения. Это уникальная площадка, созданная по инициативе известного журналиста Сулиеты Кусовой-Чухо, ставшей прези-

дентом фестиваля, была призвана стать дискуссионной площадкой для зрителей и кинематографистов из регионов России.

С 2009 года в Кабардино-Балкарии реализуется межрегиональный проект «Куначество», ставший с 2015 года международным — подростки из республик СКФО и субъектов Центральной России в течение недели живут в принимающих семьях и в повседневной жизни знакомятся с бытом и традициями других народов. Аналогичный проект был реализован в Дагестане с января по июль и с сентября по ноябрь 2015 года. В проекте приняли участие все 52 муниципальных образования Дагестана, куначескими стали 104 семьи.

Сулиета Кусова-Чухо в одном из своих выступлений сказала: «Для того, чтобы нас, кавказцев, не разорвали ветры глобализации, нужно ухватиться за свою надочажную цепь». Возможно, возрождение в ином, трансформированном виде обычая куначества, тоже станет органической частью той самой символической надочажной цепи!